

Дежавю: средневековые мотивы в современной арабской политической жизни

В.В. Наумкин, В.А. Кузнецов

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН

Статья посвящена анализу специфических элементов политической жизни арабских обществ, отличающих её от моделей выстраивания политических отношений в государствах-нациях Запада. Признавая наличие множества таких элементов, авторы сосредотачивают внимание на трёх, связанных с проблемой источника и распределения власти. Показывая их глубокую укоренённость в арабо-мусульманской политической традиции, заставлявшую их так или иначе проявляться на протяжении всей исламской истории региона, авторы обнаруживают, что у каждого из них есть собственный средневековый прототип. Так, в статье рассматривается дихотомия верховной власти халифа и султана, сформировавшаяся в IX-XI вв., и проявляющаяся сегодня как в деятельности запрещённых в России джихадистских организаций (ИГИЛ/ИГ, «Аль-Каида»), так и в политических стратегиях умеренных исламистских движений («ан-Нахда»). Вторым рассматриваемым элементом является деятельность городских милиций в странах, переживающих кризис государственности и находящихся в состоянии конфликтов. Милиции сопоставляются авторами с средневековыми сообществами *фитйан* – «молодчиков». Выделяется семь ключевых черт *фитйан*. Они не только проявляются в деятельности милиций, но и указывают на принципиальное отличие этих формирований от городских криминальных группировок. Особое внимание уделяется ливийским милициям, деятельность которых рассматривается на основе полевых исследований одного из авторов. Наконец, третьим анализируемым элементом является специфическая роль армий и других силовых структур в арабских политических системах. Авторы предлагают три возможных интерпретации всех выявленных совпадений. Согласно первой из них, речь идёт об абберациях сознания наблюдателя, заставляющих искать аналогии современности в историческом опыте. Согласно второй, лежащей в русле «нового медиевализма», речь идёт о «возрождении» средневековых практик, связанном с завершением эпохи модерна. Наконец, согласно третьей, выявленные феномены должны рассматриваться как цивилизационные особенности арабского мира.

Ключевые слова: арабский мир, *фитйан*, милиции, султан, халиф, армии, медиевализм, цивилизациянизм

УДК 94, 321, 323

Поступила в редакцию: 02.08.2019 г.

Принята к публикации: 15.08.2019 г.

В исследовании большого комплекса сложных проблем политической жизни современного арабского мира, переживающего, возможно, один из самых трудных этапов в своей истории, участвует множество учёных из различных стран – политологов, историков, специалистов по международным отношениям, региональной безопасности и т.д. Углублённый анализ наиболее актуальных проблем современного арабского мира, в том числе кризиса государственности, представителями различных школ потребовал применения целого ряда нестандартных подходов, которые позволили бы наиболее адекватно объяснить идущие здесь процессы. Среди этих подходов можно отметить попытку обнаружить корни этих процессов в протяженной истории арабов. Нетрудно заметить, что именно те отдельные элементы современной политической жизни арабских государств, которые предположительно идут из глубины веков, отличают сформировавшиеся здесь политические системы от созданной на Западе и более или менее искусственно имплементированной в регион модели государства-нации.

По нашему заключению, подобных элементов может быть обнаружено немало. В настоящей статье мы сосредоточим внимание только на трёх из них, связанных с проблемой источника и распределения власти. Выделив их, мы попытаемся показать и объяснить их глубокую укоренённость в арабо-мусульманской политической традиции, заставлявшую их так или иначе проявляться на протяжении всей исламской истории региона.

Историография этой проблемы довольно обширна – она включает в себя как работы по классической истории арабо-мусульманского мира (Игнатенко 1989; Amri 1997; Crone 1986; Crone 1980; Lassner 1980; Lewis 1968), так и труды политологов, занимающихся анализом текущих процессов в регионе (Звягельская 2018; Звягельская 2019; Наумкин, Барановский и др. 2018; Arab Human Development 2014; Arab Society 2006), вопросами государственного строительства (Звягельская, Кузнецов 2017; Сапронова 2012) и трансформации политических систем (Звягельская 2017; Наумкин 2014). Помимо этого, необходимо упомянуть и ряд работ философского и историко-философского характера (Triki 1991), авторы которых сосредотачивают внимание на проблемах национального развития арабских стран. Вместе с тем, работ, в которых в историко-политологическом ракурсе и в комплексе рассматриваются средневековые реминисценции в современных арабских политических системах, насколько нам известно, до сих пор написано не было.

Три средневековые реминисценции

Халиф – султан

Первый из выделяемых нами элементов относится к дихотомии *халиф – султан*, характерной для ряда средневековых арабо-мусульманских государств.

«Имамат существует как замещение (*ли-хилафат ар-рисала*) пророчества для охранения религии и управления мирской жизнью (*ад-дунья*)», писал в XI в. создатель суннитской теории государства ал-Маварди (974-1058) (Маварди 1996: 13).

С точки зрения суннитской политической теории имам или халиф не является ни сувереном, ни законодателем, ни исполнителем, ни судьей. Он, скорее, координатор, призванный следить за исполнением признанных сообществом богословов и правоведов интерпретациями священных текстов (Корана и Сунны Пророка), администратор, а также учитель и пример для мусульман, следующих за ним по пути веры и таким образом формирующих умму – единую общину (Нассар 2003).

В политическом отношении ал-Маварди выделяет десять основных обязанностей имама, так или иначе этот перечень соответствует всей суннитской традиции. Большинство из них, хотя и требуют политических действий, имеют религиозное обоснование или назначение: обеспечение религиозной законности, применение установленных Аллахом наказаний для защиты прав верующих, защита Обителя ислама (*Дар ал-ислам*), борьба с отказавшимися принять ислам, взимание налогов (по установленным шариатом нормам), назначение на посты верующих и законопослушных людей, собственноручное управление уммой и защита веры. Помимо них есть две чисто административные обязанности – обеспечение приграничных областей и благоразумное определение доходов и расходов казны; и одна – чисто религиозная: поддержание религии (Маварди 1996: 29-31).

В суннитской традиции имам не может быть избран, однако он может получить власть либо по прямому указанию предшественника, либо по согласованному решению сообщества религиозных экспертов, а также захватить её силой.

Вопрос о халифате, несмотря на смену династий сохранявшемся в качестве основной формы политического бытия с 632 г. по 1924 г., в сущности никогда не сходил с повестки дня арабо-мусульманского мира. Со времён упразднения халифата в 1924 г. тоской по нему были преисполнены все исламские политические движения и XX, и XXI в. Впрочем, при всех мечтах о возрождении единства ислама до восстановления халифата на практике дело практически никогда не доходило¹.

Принципиально новым явлением в этом контексте стало провозглашение халифом лидера ИГ/ДАИШ (запрещено в России) Абу Бакра аль-Багдади. Несмотря на то, что этот акт не был воспринят как легитимный никем, кроме сторонников террористической организации, он всё же дал толчок многочисленным дискуссиям внутри джихадистского лагеря относительно правовых

¹ Наличие халифского титула у марокканского короля было в этом плане скорее данью местной традиции, значимость которой не выходила за пределы государства, а провозглашение халифом президента Судана Джафара Нимейри можно считать скорее курьёзом.

оснований халифата. Напомним, что главным аргументом противников ИГ из «Аль-Каиды» (запрещена в России) при этом было то, что халифат аль-Багдади означал претензию на первенство «ветви» – *фар'* (ИГ) над «основанием» – *асл* («Аль-Каида»), от которого ИГ ранее отпочковался (Вайс, Хасан 2016; Гасымов 2015).

Любопытно и другое. Если попытаться описать в самых общих чертах историю института халифской власти в средние века, то станет виден следующий тренд. Заместители посланника Аллаха (халифы) формально обладали всей полнотой власти во времена «праведных халифов», Омейядов и ранних Аббасидов. При Омейядах они даже почитались едва ли не выше, чем Пророк. Так, историк ат-Табари (839-923) приводит письмо халифа Валида II (743-744) к гарнизонным городам, где говорилось, что власть халифа происходит непосредственно от Аллаха, а не от Мухаммада (Ат-Табари 1995), а у ал-Балазури (806-892) встречается и вовсе удивительное высказывание: «Халиф Аллаха любезнее Ему на земле Его, чем Пророк» (*Инна халифата-ллахи фи ардихи акраму 'алейхи мин расулихи 'алейхим*) (Ал-Балазури 1986). Однако с середины IX в., когда в Багдаде установилась династия Буидов, называвших себя «военачальниками военачальников» (*амир ал-умара'*), что указывало на консолидацию ими военной власти, реальные политические полномочия халифов начали ощутимо и последовательно ограничиваться. Эта практика оказалась институционализирована при Сельджуках (XI в.), когда был введён в оборот титул султана. Халиф, сохранивший на века всю полноту символической религиозной власти, дарованной ему Аллахом, делегировал нерелигиозные полномочия султану – фактически светскому главе государства. Теоретически при этом как халифов, так и султанов могло быть несколько, однако на практике титул Аббасидского халифа, символизировавшего единство Обители ислама (*Дар ал-ислам*), в позднее средневековье практически никогда не оспаривался.

Удивительным образом при рассмотрении эволюции запрещённых в России современных джихадистских движений – ИГ и «Аль-Каиды» – мы обнаруживаем ту же тенденцию, реализовавшуюся, правда, гораздо быстрее.

Если на первых порах существования ИГ аль-Багдади, претендуя на халифский титул, был как идейным, так и военно-политическим лидером организации, то после её военного поражения его статус изменился. Сделанное им уже в 2019 г. обращение демонстрирует, что, сохраняя «духовное» лидерство, реальные военно-политические полномочия он фактически делегировал многочисленным «франшизи».

Схожая линия обнаруживается и в истории «Аль-Каиды». По оценкам арабских аналитиков², ставшему её лидером после уничтожения Усамы Бен Ладена бывшему египетскому профессору Айману аз-Завахири явно не хватало харизмы для того, чтобы стать полноценной заменой саудовцу и рекрутировать в по-

² Интервью авторов, апрель 2019 г.

редевшие ряды террористов новых адептов. Выход на политическую молодого харизматичного сына Усамы – Хамзы фактически создал в организации систему, весьма напоминающую систему «халиф – султан». Если судить по имеющимся данным, она позволяет организации, несмотря на понесённые ею огромные потери, всё же вербовать в свои ряды новых сторонников и продолжать угрожать безопасности и стабильности региона.

Впрочем, удивительным образом схожую динамику можно обнаружить не только в эволюции джихадистской организации, но и у вполне респектабельных умеренных исламистов – например, в тунисской партии «ан-Нахда».

Так, один из трёх её основателей Рашид Ганнуши остаётся лидером партии (шейхом) и главным идеологом на протяжении всей её истории. Однако после революции 2011 г., когда «ан-Нахда», после двадцатилетней эмиграции не только вернулась в Тунис, но и пришла к власти в результате выборов, шейх не стал претендовать ни на один государственный пост. Президентом страны оказался хотя и связанный с партийными элитами, но формально светский правозащитник Монсеф Марзуки, обладавший, впрочем, весьма ограниченными полномочиями и не пользовавшийся большим авторитетом в стране. В то же время кресло премьер-министра – основной политической фигуры в действовавшей системе – последовательно занимали входившие в партийное руководство Хаммади Джебали и Али аль-Арайид. Реальная политическая власть (власть султана) оказалась, таким образом, как бы делегирована премьер-министру, обретавшему двойную легитимность: формальную – от Национального учредительного собрания и неформальную – от шейха.

Фитйан – милиции

Второй элемент «возрождённого» средневековья, который мы рассмотрим, связан с деятельностью современных милиций.

Вообще говоря, существование неформальных военно-политических структур, параллельных государственным, всегда оставалось одной из особенностей организации власти в арабо-мусульманском мире (не нормативно предписанной теоретиками фикха, а реальной) в средние века. Речь идёт о так называемых '*аййарун*, или *фитйан*³.

Упомянутые в источниках по меньшей мере с начала IX в., *фитйан* представляли собой специфический феномен средневековой городской жизни арабо-мусульманского востока (от Египта до Центральной Азии). Клод Каэн определяет это очень сложное, полиформное явление, с трудом поддающееся описанию, как «общий и фундаментальный структурный элемент городского общества Востока» (Саhen 1991: 963).

Не вдаваясь в подробности, можно выделить, как минимум, семь специфических черт сообществ *фитйан* (Тор 2007).

³ О разнице этих, в общем, близких терминов см.: (Taeschner 1986: 794).

Во-первых, это были группы, возникавшие независимо от воли правителя снизу и бравшие на себя функции контроля над насилием. Апологеты *фитйан* описывают их как своеобразных средневековых рыцарей, Робин Гудов мусульманского мира, а их противники – как сообщества бандитов. Однако и те, и другие согласны в том, что *фитйан* были своеобразными профессионалами насилия.

Во-вторых, эти группы, в разное время формировавшиеся на разной социальной основе (от полумаргинальных элементов в раннее средневековье до представителей привилегированных слоёв общества и религиозных лидеров в постклассическое), всегда отличались сплочённостью, наличием общей идентичности – своеобразной городской *'асабийей*⁴.

В-третьих, следствием наличия особой идентичности выступало наличие и определённого этического кодекса. Не случайно само понятие *фитйан* – производная от *футувва* – набора качеств «настоящего мужчины».

В-четвёртых, *фитйан* обладали внешними отличительными чертами: носили определённую одежду, проходили специфические обряды инициации и т.п.

В-пятых, эти группы, в особенности на поздних этапах своего существования отличались наличием довольно стройной иерархической структуры, имели собственных лидеров, в них были разработаны правила поведения членов группы по отношению к ниже- и вышестоящим.

В-шестых, они выстраивали довольно сложные отношения с официальными властями. В основном, *фитйан*, по всей видимости, представляли собой параллельные властные структуры, действовавшие в социальных пространствах, не затронутых государственной властью. Однако иногда интересы *фитйан* и правителей очевидным образом пересекались. В такие моменты речь могла идти как о конкуренции двух центров силы, так и об их сотрудничестве. Свидетельством конкуренции выступают, конечно, сообщения об усилении *фитйан* в моменты ослабления правителя или, наоборот, о попытках правителей поставить *фитйан* под свой контроль. Сотрудничество же могло быть двояким. В одних случаях, правители обращались к *фитйан* в ситуации междоусобиц. Так, одно из первых описаний деятельности этих групп относится к борьбе между сыновьями аббасидского халифа Харуна ар-Рашида – аль-Амина и аль-Мамуна, в которой багдадские «молодцы» выступили на стороне аль-Амина. Историк Х. в. ал-Мас'уди (896-956) с восхищением пишет о храбрости этих бойцов, выходивших на поле боя практически безоружными: «Они сражались обнаженными, [прикрытые только] поясами и набедренными повязками. Предводители их взяли внутреннюю часть пальмовых листьев и назвали их шлемами. [Они сделали также] щиты из камышовых циновок и дубинки, [которые] просмолили и набили песком и щебнем... каждый обладающий степенью ехал верхом [на других]... [Эти] люди [были] наги, и на шею им повязали бубенчики и красную и желтую шерсть. Для них сделали поводья, узды и хвосты из метел и опахал»

⁴ *'Асабийя* изначально – «племенной патриотизм», племенная солидарность.

(Ал-Мас‘уди 2002). В других же случаях, по всей видимости довольно частотных, *фитийан* фактически признавались государством как городские милиции, обеспечивавшие охрану правопорядка.

Наконец, в-седьмых, группы *фитийан* сложно соотносились с религиозно-политическими течениями средневековых обществ. По всей видимости, даже на ранних этапах своего существования многие из них оказывались связаны с теми или иными религиозными «партиями» (напр. ханбалитами или исмаилитами). Однако постепенно, по мере институционализации суфийских сообществ, начала укрепляться связь с ними.

В современном арабском мире своеобразной реинкарнацией *фитийан* выступают милиции, активно действующие в Ливии, Ливане, Сирии, Ираке, Йемене и других странах.

На первый взгляд, они вроде бы представляют собой криминальные или полукриминальные группы, возникшие в зонах ослабленной государственности. Однако при более пристальном рассмотрении выясняется, что при всех различиях между милициями все они обладают рядом специфических характеристик, не просто сближающих их с *фитийан*, но и мешающих воспринимать эти милиции как обычных бандитов.

Конечно, насилие как основной вид деятельности, город как основная среда обитания, наличие внутренней структуры, внешних знаков отличия или даже этического кодекса («понятия» у российских криминальных сообществ) существуют в криминальных культурах едва ли не всех стран. Однако другие черты арабских милиций в обычном криминалитете либо отсутствуют, либо выражены не столь очевидно.

Прежде всего, наличие в них специфической *‘асабийи*. Начавшееся в апреле 2019 г. наступление Ливийской национальной армии (ЛНА) на запад страны и последовавшие затем бои в пригородах Триполи показали, что милиции, контролирующие ливийскую столицу, не просто не собираются вступать в переговоры с маршалом Хафтаром, но и готовы продолжать отстаивать свои города. Это может объясняться тем, что они представляют собой, прежде всего, группы местных городских ополчений, и потому вся вооружённая борьба в Триполи с 2011 г. вообще может интерпретироваться как противостояние мисуратских и зинтанских элит, использовавших в своих интересах политическую повестку (Lacher, Alaa al-Idrissi 2018).

Как показывают полевые исследования в Ливии одного из авторов данной статьи, подобные оценки вполне справедливы.

Летом 2018 г. Триполи контролировало четыре или шесть основных милиций⁵, в основном происходившие из городских пригородов (прежде всего, из

⁵ В. Лачер говорит о «Большой четверке» Триполи, однако, по нашим наблюдениям, речь должна идти о шести группах. Вероятно, разница в оценках объясняется разным определением границ города (Lacher, Alaa al-Idrissi 2018).

Таджуры). Сама принадлежность этих милиций к городской среде создавала основу для доверия со стороны населения, и именно наличие своеобразного городского патриотизма (*асабийи*) формировало основу для консолидации и мобилизации этих сил в противостоянии ЛНА.

Подобно ранним группам *фитйан* лидерами триполийских милиций становятся необязательно выходцы из городских низов, но люди для городской среды так или иначе маргинальные, не укоренённые в ней глубоко. Семья одного из них происходила из Машрика и переселилась в Ливию несколькими поколениями ранее, другой был наполовину палестинцем, семья третьего переселилась в столицу с востока страны, четвертого – из Мисураты, пятый ранее занимался наркоторговлей. И только Наджи Гнейди, контролирующий район Джанзур, где расположен офис Миссии ООН, был выходцем из известной семьи, принадлежавший к кругам городской интеллигенции.

Другими чертами, заставляющими отличать милиции от ординарного криминалитета, можно считать стратегии выстраивания отношений с государственной властью и отношения с религией.

Криминальные группировки, конечно, могут заключать союзы с политическими элитами или инфильтроваться в них, однако в общем они обыкновенно существуют параллельно с государственной властью, находясь с ней в противостоянии: достаточно вспомнить кодексы российских «воров», подробно описанные Марком Галеотти (Галеотти 2019).

Отношения милиций с правительством более сложные. С одной стороны, они рассматривают государство как один из источников доходов: с этим связана и борьба за контроль над правительственными кварталами, и похищения политических деятелей, и т.п. С другой стороны, они стремятся взаимодействовать с правительством, становясь частью государственных структур. Практически все ливийские милиции оказались интегрированы в систему МВД или вооружённых сил в качестве самостоятельных подразделений. Это позволило бойцам милиций получать регулярную зарплату, лидерам – войти в состав истеблишмента, а государству создать иллюзию контроля. Кроме того, подобно тому как *фитйан* за пределами Багдада выполняли частенько полицейские функции, в Триполи ту же самую роль выполняют милиции. По меньшей мере в двух из них были созданы специальные подразделения для разбора конфликтов между жителями подконтрольных районов.

Наконец, для милиций очень важна религия. Дело не только в том, что их лидеры стремятся позиционировать себя как богобоязненных людей, чтобы завоевать авторитет в обществе, но и в особой религиозно-идеологической идентичности, которую разделяют некоторые милиции. В Машрике, в частности – в Ираке, активно действуют шиитские милиции, этот феномен кажется более естественным, поскольку этноконфессиональный фактор здесь вообще играет определяющую роль в организации общественной и политической жизни. В то же время и в относительно гомогенной в конфессиональном отношении Ливии сформиро-

вались милиции, обладающие ярко выраженной конфессиональной идентичностью салафитов-мадхалитов. Характерно, что они присутствуют как на востоке страны – в составе ЛНА, так и на западе. Так, сильнейшая в Триполи структура – *кувват ар-рад'* под руководством Абдеррауфа Кара, контролирующая действующий столичный аэропорт и городскую тюрьму и выполняющая функции своеобразной полиции нравов, была и остается салафитско-мадхалитской силой.

Армии и силовые структуры

Третий имеющий средневековые корни элемент, который будет нами рассмотрен – это армии и вообще силовые структуры, обладающие рядом специфических характеристик и играющие совершенно особую роль в арабских политических системах.

Традиционный тезис, развивавшийся в том числе в отечественной науке, о модернизационной роли армий в арабских странах в XX в. (Мирский 1989) сложно поставить под сомнение, однако вопрос о том, может ли армия и сегодня играть прогрессистскую роль, представляется вполне уместным.

Конечно, история государственных вооружённых формирований в арабских странах сложна и запутана. Одна из проблем, с ней связанных, состоит в том, что само применение понятия «армия» к средневековому государству стадильно некорректно. Тем не менее, обобщая известный материал, можно выделить несколько особенностей, которые отличали подобные структуры в *Дар ал-ислам* классического периода.

Первые мусульманские вооружённые силы формировались по племенному принципу и были предназначены, прежде всего, для расширения пределов халифата (*футух ал-ислам*). В большинстве случаев, завоевывая ту или иную территорию, племена не селились в существующих городах, но строили собственные военные поселения (из них потом выросли такие города, как Куфа, Басра, Фустат, Кайруан и др.), где селились в образованных по племенному принципу кварталах. Логика развития раннесредневековой империи предполагала, что эти племена должны были вести постоянную экспедиционную деятельность, обеспечивавшую их необходимыми доходами и не позволявшую вмешиваться в политическую жизнь государства⁶.

Истощение экспедиционного потенциала арабских сил стало в сущности одной из причин роста противоречий между племенами в центральных районах халифата, что в свою очередь, оказалось важным фактором дестабилизации государства Омейядов и его падения в 750 г.

При Аббасидах помимо вечно неспокойных арабских племён военную силу халифата стали составлять и специфические силы, формировавшиеся поначалу из персов-хорасанцев, затем из тюрок и других этнических групп.

⁶ Ч. Робинсон даже предпочитал называть халифат Омейядов не государством, а политией, подчёркивая тем самым отсутствие институтов и его экспансионистский характер (Robinson 2005).

Часть из них (к примеру, армянские отряды) были в сущности наёмниками и использовались для ведения боёв на границах халифата в Малой Азии.

Другие, специально формирувавшиеся из иноэтнических групп, состояли из обученных военному делу рабов и выполняли преторианские функции. Не имея корней в столичном обществе и не связанные с арабскими элитами, они оказывались силой, в сущности враждебной и тем, и другим, не столько обеспечивавшей безопасность правителя, сколько терроризировавшей местное население. В конце концов, переезд двора из Багдада в Самарру был вызван именно необходимостью снизить конфликтность между населением и этими гвардейскими отрядами.

Однако давление преторианцев испытывало не только общество, но и сам халиф, превращавшийся, в сущности, в игрушку в руках обладавших реальной властью военных. Единственным выходом было создание параллельных друг другу структур на разной этнической основе и поддержание между ними постоянного духа соперничества.

Все указанные особенности можно обнаружить и в современных арабских странах, в подавляющем большинстве которых армии и другие силовые структуры до сих пор играют ключевую политическую роль.

Мы легко можем обнаружить племенной принцип формирования армий, к примеру, в таких странах, как Ливия (как при Каддафи (Ouannes 2009), так и после него), Ирак, Йемен. Более того, в ливийском случае, по мнению целого ряда экспертов и аналитиков, основой существования ЛНА выступает именно её щедро оплачиваемая экспедиционная активность. Характерно, что практически всегда при прекращении экспансии армия маршала Хафтара погружается в бесконечные междоусобные дразги⁷.

Роль племенного фактора в формировании вооружённых сил в целом ряде случаев означает не только милитаризацию отдельных племён, превращающихся в опору политического режима, но и трайбализацию вооружённых сил, политические стратегии которых в ситуации кризисов и конфликтов начинают подчиняться племенной логике. Ярким примером этого может служить Йемен и Ирак.

Иноэтнический характер вооружённых сил и феномен наёмничества не менее характерны. Ярким примером первого долго служила Иордания с характерной для неё особой ролью черкесской (и, в меньшей степени, чеченской) общин в силовых структурах страны. Что же до наёмничества, то его мы обнаруживаем и в Сирии с её иностранными боевиками в рядах, прежде всего, вооружённой оппозиции, и Ливия, где в рядах ЛНА сражается немало суданцев.

Наконец, характерной остаётся постоянная зависимость политических властей арабских стран от собственных силовых ведомств, заставляющая их создавать множество конфликтующих друг с другом параллельных силовых структур. В одной только Сирии действует, по меньшей мере, семнадцать спецслужб.

⁷ Интервью с ливийскими экспертами, май 2019 г.

Особую историческую траекторию вооружённые силы прошли в Египте, где в середине XIII в. установился мамлюкский султанат. Рекрутировавшиеся из числа юношей-рабов иноэтнического происхождения (черкесского, тюркского и др.) мамлюки представляли собой закрытую военную корпорацию, из рядов которой выдвигались правители страны на протяжении без малого трёх веков – вплоть до самого османского завоевания 1517 г. После перехода страны под власть Стамбула они никуда не исчезли и в XVII-XVIII вв. смогли отчасти восстановить утраченные позиции. Только решительные действия Мухаммеда Али, физически уничтожившего едва ли ни всех мамлюков в 1811 г., положили конец их корпорации.

Несмотря на то, что тот же Мухаммед Али заложил основу египетской национальной армии, впоследствии ставшей основным агентом и национально-освободительной борьбы, и модернизации, со временем вооружённые силы в значительной степени стали воспроизводить мамлюкский опыт. Уже во второй половине XX в. они не просто оказались корпорацией, выдвигавшей из своих рядов политических лидеров, но и силой, занимавшей совершенно особое положение в политической системе страны. Исключительный правовой и экономический статус превратили их в своеобразную неомамлюкскую силу, готовую защищать собственные корпоративные интересы (как политические, так и экономические) и отчуждённую от значительной части общества, что проявилось в 2013 г. при приходе к власти Абдель Фаттаха ас-Сиси.

Разумеется, описанные специфические черты арабских армий можно обнаружить и в других развивающихся государствах мира. Однако сама комбинация этих черт представляется во многом уникальной и тесно связанной с историческими особенностями развития политических культур региона.

Интерпретации

Описанные феномены должны быть каким-то образом интерпретированы. На наш взгляд, здесь может быть предложено три объяснительных стратегии – все они дополняют друг друга, и каждая из них требует дальнейшей разработки.

Первая – гносеологическая, пожалуй, самая очевидная. Согласно ей, речь идёт не о выявлении неких реально существующих феноменов, а лишь о некоторой аберрации сознания наблюдателя, заставляющего его искать внешне схожие элементы в прошлом изучаемых обществ, конструируя исторические факты в соответствии с собственными предпочтениями и наблюдаемой реальностью. Подобное объяснение, при этом, вовсе не означает эпистемологической ничтожности предложенного подхода – в конце концов, следуя в предложенной логике, можно сказать, что историческое, а вслед за ним и политологическое знание вообще являются продуктами научного воображения наблюдателя, что вовсе не лишает его смысла. Здесь уместно вспомнить известное высказывание Умберто Эко из его эссе «Средние века уже начались». Конструируя условия, не-

обходимые для возрождения средних веков, он отмечал: «Наша же цель в том, чтобы иметь в распоряжении историческую картину, к которой можно было бы примерять тенденции и ситуации нашего времени. Это будет число лабораторная игра, но никто никогда не говорил всерьёз, что игры бесполезны»⁸.

Вторая стратегия, легко корреспондирующая с предыдущей и связанная с уже процитированной работой У. Эко, заставляет обратиться к идее «нового средневековья», введенной в России в оборот ещё в 1924 г. Н. Бердяевым, и сегодня довольно отчётливо присутствующей в отечественной общественно-политической (и художественной – вспомним прозу В. Сорокина) мысли. В научном дискурсе она выражается в явлении нового медиевализма. Санкт-петербургский историк А.И. Филюшкин определяет его как «направление в культуре и истории идей, в котором для формирования образа современности используются символы и топосы, восходящие к средневековью»⁹.

Наконец, третье возможное объяснение заставляет обратиться к цивилизационному подходу, который, однако не должен пониматься в духе биологизации и примордиализма, подобно тому как это делал Л.Н. Гумилев, выдвигая пассионарную теорию этногенеза. Речь может идти о закреплённых в культуре общественно-политических практиках, постоянно воспроизводимых на протяжении длительного времени, о стабильных, хотя и эволюционирующих цивилизационных матрицах, указывающих на существование некоего цивилизационного ядра.

Здесь можно провести параллель с получающим распространение в современном теоретическом дискурсе выделением государств-цивилизаций (Индия, Китай, Россия), которые в определённом смысле противопоставляются государствам-нациям или, принадлежа к ним, формируют особые образования. Отсюда выводятся специфические черты их развития и поведения их элит (включая отношения к другим государствам). Наряду с позитивной оценкой этого явления, есть и иные, правда, они, в первую очередь, касаются так называемого «цивилизационизма», который разные авторы трактуют по-разному или же допускают существование различных его форм и проявлений.

Так, сингапурский профессор Джеймс Дорси считает, что джихадизм является одним из проявлений этого самого цивилизационизма, подобно тому как существуют «нетерпимые, супремасистские проявления евангелизма и буддизма»¹⁰. Он пишет: «Цивилизационизм, вольно или невольно, играет с огнём

⁸ Эко У. Средние века уже начались. Litmir [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=139601&p=1> (дата обращения: 12.08.2019)

⁹ Филюшкин А.И. Медиевализм: почему нам сегодня нужны средние века? Историческая экспертиза [Электронный ресурс]. URL: https://istorex.ru/page/filyushkin_ai_medievalizm_pochemu_nam_segodnya_nuzhni_srednie_veka (дата обращения: 12.08.2019)

¹⁰ Dorsey J.M. Want to Curb Violent Attacks? Curb Civilisationalism. The Turbulent World of Middle East Soccer, 01.05.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://mideastsoccer.blogspot.com/2019/05/want-to-curb-violent-attacks-curb.html> (accessed 12.08.2019)

процессов радикализации, которые могут привести (но могут и не привести) к политическому насилию»¹¹.

Попытки обнаружить в арабских, а то и шире – в ближневосточных или даже исламских обществах некое потаённое сущностное зерно, влияние которого управляет мыслями и поступками людей, явление не новое. Достаточно упомянуть логико-смысловую теорию известного российского философа А.В. Смирнова, с идеями которого выражают категорическое несогласие многие из его коллег-философов, в частности, Тауфик Ибрагим. Вне зависимости от аргументов сторон, сама попытка подобного объяснения и возникшей дискуссии весьма закономерна. Ясно, что процесс болезненного обновления арабского мира идёт, о чем ярко говорят события последнего десятилетия – первая и вторая волны политических изменений в регионе, если считать таковыми так называемую «арабскую весну» начала 2010-х гг. и события 2019 г. в Алжире и Судане, можно видеть продолжение того, что произошло в регионе тогда, вторую волну «арабской весны».

Но где здесь силы нового и старого? И какова подлинная роль внутренних и внешних игроков, каждый из которых в той или иной степени влияет на те изменения, что очевидно продолжаются в регионе? Стоит ли видеть в неожиданном взлете разрушительного ультрарадикального ислама, «даишизма» результат кризиса симбиотического сосуществования традиции и модерна? Правы ли те, кто объясняет это явление сопротивлением традиционного исламского арабского общества мощному воздействию модернизации, которая разрушает существующие с ним цивилизационные устои?

Все эти вопросы пока ещё ожидают ответа.

Об авторах:

Виталий Вячеславович Наумкин – д.и.н., академик РАН, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная д. 23. E-mail: director@ivran.ru.

Василий Александрович Кузнецов – к.и.н., ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная д. 23. E-mail: vasiakuznets@yandex.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

¹¹ Ibid.

Received: July 2, 2019
Accepted: August 15, 2019

Deja vu: Medieval Motifs in Modern Arab Political Life

V.V. Naumkin, V.A. Kuznetsov
DOI 10.24833/2071-8160-2019-4-67-38-53

Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

Abstract: The article analyzes specific elements of the Arab societies' political life which distinguish it from political relations in the Western nation-states. Admitting the existence of a large number of such kind of elements, the authors focus only on three of them which are related to the sources of power and its distribution. Emphasizing that these elements are deeply rooted into the Arab-Muslim political tradition, so that they have tended to be present throughout the whole Islamic period of the region, the authors find out that each of them has its own medieval countertype. Thus, the article addresses the dichotomy of the supreme power of caliphs and sultans, formed in the IX – XI centuries and manifested today both in Jihadist organizations (i.e. ISIS, Al-Qaeda) and in the political strategies of moderate Islamist movements, such as Tunisian party Al-Nahda. The second example is the urban militias, which are correlated with the medieval phenomenon of «young hero» or «chivalry» communities – fityan. The fityan communities have seven specific traits, which not only are characteristic of the militias, but also demonstrate fundamental difference between the militias and urban criminal groups. Major attention is paid to Libyan militias, which are studied on the materials of field research conducted by one of the authors. Finally, the third element discussed is the particular role of the army and other security forces in the Arab political systems.

The authors provide three possible interpretations of all the revealed coincidences. According to the first one, they are presented as aberrations of the researcher's scientific consciousness, which make them look for historical equivalents to contemporary issues. Second interpretation belongs to the tradition of «the new medievalism». According to it, the described phenomenon is in fact the revival of some medieval practices, caused by the end of the Modernity era. The last interpretation views the analyzed elements as distinctive civilization traits of the Arab world.

Key words: Arab world, fityan, militias, sultan, caliph, armies, medievalism, civilizationalism

About the authors:

Vitaly V. Naumkin – Doctor of History, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. 23 Profsoyuznaya street, Moscow, Russia, 117997. E-mail: director@ivran.ru.

Vasily A. Kuznetsov – Candidate of History, Leading Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. 23 Profsoyuznaya street, Moscow, Russia, 117997. E-mail: vasiakuznets@yandex.ru.

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Al-Balazuri. 1986. *Ansabal-ashraf, msSiuleymaniye (Reisülküttap)*. II(598), fol. 28b.
- Amri L. 1997. *Pour une sociologie des ruptures. La tribu au Maghreb medieval*. – Université de Tunis I. *Faculté des sciences humaines et sociales, Série Sociologie*, No. 2, 310 p.
- Arab Human Development in the Twenty-First Century. The Primacy of Empowerment*. 2014. Ed. by Korany B. Cairo: The American University in Cairo Press.
- Arab Society. Class, Gender, Power, and Development*. 2006. Ed. by Hopkins N.S., Ibrahim S.E. Third edition. Cairo: American University in Cairo Press. 416 p.
- At-Tabari. 1995. *Tarih at-Tabari*. Beirut. T. 4.
- Cahen Cl. 1991. Futuwwa. *The Encyclopaedia of Islam*. Vol. II. Leiden: E.J. Brill.
- Crone P. 1980. *Slaves on Horses: The Evolution of the Islamic Polity*. Cambridge. 302 p.
- Crone P. 1986. *God's Caliph: Religious Authority in First Centuries of Islam*. Cambridge. 157 p.
- Lacher W., Alaa al-Idrissi. 2018. Capital of Militias. Tripoli's Armed Groups Capture the Libyan State. *SANA Briefing Paper*, June 2018. 20 p.
- Lassner J. 1980. *The Shaping of 'Abbasid Rule*. New Jersey: Princeton University Press. 348 p.
- Lewis Cl.B. 1968. *The Regnal Titles of the First Abbasid Caliphs. Dr. Zakir Husain Presentation Volume*. New Delhi.
- Mavardi, Al-Hasan 'Ali bin Muhammad bin Habib al-Basri al-Bagdadi. 1996. *Al-Ahkam as-sultaniya*. Kair – Damask – Amman: Al-maktab al-islamiy. Ouannes M. 2009. *Militaires, élites et modernization dans la Libye contemporaine*. Paris: L'Harmattan.
- Nassar N. 2003. *Mafhum al-umma bajna-d-din va-t-tarih*. Beirut.
- Robinson Ch.F. 2005. *'Abd al-Malik*. Oxford: Oneworld.
- Taeschner Fr. 1986. *'Ayyar*. – *The Encyclopaedia of Islam*. Vol. I, Leiden: E.J. Brill.
- Tor D.G. 2007. *Violent Order. Religious Warfare, Chivalry and the 'Ayyar Phenomenon in the Medieval Islamic World*. Würzburg: Ergon Verlag Würzburg in Kommission.
- Triki F. 1991. *L'esprit historien dans la civilisation arabe et islamique*. Tunis: Maison Tunisienne de l'Édition – Faculté des Sciences Humaines et Sociales de Tunis. 400 p.
- Al-Ma'sudi. 2002. *Zoloty kopi i rossypi samocvetov* [Gold Mines and Placers of Gems]. Moscow: Natalis. 799 p. (In Russian)
- Galeotti M. 2019. *Vory. Istoriya organizovannoj prestupnosti v Rossii* [Robbers. Russia's Super Mafia]. Moscow, Individuum. 448 p. (In Russian)
- Gasymov K. 2015. Razlad v stane dzhihadistov: ideologicheskaya bor'ba Al'-Kaidy s organizaciej «Islamskoe gosudarstvo» [Discord in the Jihadists Camp: Al-Qaeda's Ideological Battle with the Islamic State]. *Indeks bezopasnosti*. No. 3. P. 61-82. (In Russian)
- Ignatenko A.A. 1989. *V poiskah schast'ya. Obshchestvenno-politicheskie vozzreniya arabo-islamskih filosofov srednevekov'ya* [In search of Happiness. Socio-Political Views of the Arab-Islamic Philosophers of the Middle Ages]. Moscow: Mysl'. 254 p. (In Russian)
- Mirskij G.I. 1989. *Rol' armii v politicheskoy zhizni stran «Tret'ego mira»* [The Role of the Army in the Sociopolitical Development of Asian and African Countries]. Moscow: Nauka. 198 p. (In Russian)
- Naumkin V.V. 2014. *Civilizacii i krizis nacij-gosudarstv* [Civilizations and the Crisis of Nation-States]. *Rossiya v global'noj politike*. No. 1. P. 41-59. (In Russian)
- Naumkin V.V., Baranovskij V.G. and oth. 2018. *Blizhnij Vostok v menyayushchemsya global'nom kontekste* [The Middle East in a Changing Global Context]. Moscow: IV RAN Publ. 556 p. (In Russian)
- Sapronova M.A. 2012. *Postrevolyucionnye konstitucii i instituty vlasti arabskih stran (na primere Egipta, Marokko i Tunisa)* [Post-Revolutionary Constitutions and Institutions of Power of the Arab Countries (the Examples of Egypt, Morocco and Tunisia)]. *Politicheskaya nauka*. No. 3. P. 179-198. (In Russian)
- Vajs M., Hasan H. 2016. *Islamskoe gosudarstvo. Armiya terror* [ISIS: Inside the Army of Terror]. Moscow: Al'pina non-fikshn. 346 p. (In Russian)

Zvyagel'skaya I.D. 2017. Suverenitet i gosudarstvennost' na Blizhnem Vostoke – nevnosimaya hrupkost' bytiya [Sovereignty and Statehood in the Middle East – Intolerable Fragility of Life]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*. No. 2. P. 97-109. (In Russian) DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-2-97-109

Zvyagel'skaya I.D. 2018. *Blizhnij Vostok i Central'naya Aziya: global'nye trendy v regional'nom ispolnenii* [Middle East and Central Asia: Global Trends in Regional Performance]. Moscow: Aspekt Press. 224 p. (In Russian)

Zvyagel'skaya I.D. 2019. Simvoly i cennosti v mezhdunarodnyh otnosheniyah na Blizhnem Vostoke [Symbols and Values in International Relations in The Middle East]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 1. P. 105-123. (In Russian) DOI: 10.17976/jpps/2019.01.08

Zvyagel'skaya I.D., Kuznetsov V.A. 2017. Gosudarstvennost' na Blizhnem Vostoke. Budushchee nachalos' vchera [Sovereignty and Statehood in The Middle East: The Future which Started Yesterday]. *Mezhdunarodnyye process*. No. 4. P. 6-19. (In Russian)

Литература на русском языке:

Ал-Мас'уди. 2002. *Золотые копи и россыпи самоцветов. История Аббасидской династии: 749-947 гг.* Москва: Наталис. 799 с.

Вайс М., Хасан Х. 2016. *Исламское государство. Армия террора*. Москва: Альпина нон-фикшн. 346 с.

Галеотти М. 2019. *Воры. История организованной преступности в России*. Москва: Individuum. 448 с.

Гасымов К. 2015. Разлад в стане джихадистов: идеологическая борьба Аль-Каиды с организацией «Исламское государство». *Индекс безопасности*. № 3. С. 61-82.

Звягельская И.Д. 2017. Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке – невыносимая хрупкость бытия. *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2(10). С. 97-109. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-2-97-109

Звягельская И.Д. 2018. *Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении*. Москва: Аспект Пресс. 224 с.

Звягельская И.Д. 2019. Символы и ценности в международных отношениях на Ближнем Востоке. *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 105-123. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.08

Звягельская И.Д., Кузнецов В.А. 2017. Государственность на Ближнем Востоке. Будущее началось вчера. *Международные процессы*. № 4. С. 6-19. DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.1

Игнатенко А.А. 1989. *В поисках счастья. Общественно-политические воззрения арабо-исламских философов средневековья*. Москва: Мысль. 254 с.

Мирский Г.И. 1989. Роль армии в политической жизни стран «Третьего мира». Москва: Наука. 198 с.

Наумкин В.В. 2014. Цивилизации и кризис наций-государств. *Россия в глобальной политике*. № 1. С. 41-59.

Наумкин В.В., Барановский В.Г. и др. 2018. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. Москва: ИВ РАН. 556 с.

Сапронова М.А. 2012. Постреволюционные конституции и институты власти арабских стран (на примере Египта, Марокко и Туниса). *Политическая наука*. № 3. С. 179-198.